

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ КУХУЛИНА

Вяч. В. ИВАНОВ

0. Введение

Внутренняя форма имени мифологического или эпического героя часто может быть объяснена ситуацией (или набором ситуаций), с которой прежде всего связывается этот герой. В таких случаях это имя может рассматриваться как минимальный текст, являющийся переводом соответствующей ситуации¹. Эта ситуация может быть полностью (или почти полностью) восстановлена благодаря анализу более обширных мифологических и эпических текстов, в которых употребляется соответствующее имя (это последнее можно рассматривать как минимальный текст, включенный в состав более пространственных текстов, соотносящихся с этой же ситуацией). Если в родственной языковой и мифологической традиции сохраняется имя, по внутренней форме совпадающее с исследуемым именем, то и для этой второй традиции можно реконструировать соответствующую ситуацию, хотя она в этой второй традиции отражена лишь в имени – минимальном тексте, но не в более обширных текстах. Следовательно, сравнение имен – минимальных текстов – и более обширных текстов, включающих эти имена, оказывается средством для сравнения и реконструкции ситуаций, с ними соотносимых. Такие выводы, в частности, можно сделать при сравнении имени Кухулина и связанных с ним ирландских преданий, с одной стороны, и соответствующих элементов других индоевропейских языковых и мифологических систем – с другой.

1. Имя Кухулина

Имя Кухулина объясняется в рассказе о подвигах, совершенных им в детстве (см. [Guyonvarc'h 1959: 211-15]. Мальчик, носящий неирландское имя (Setanta)², убил напавшего на него страшного пса, принадлежащего кузнецу Кулану, после чего, согласно одному из вариантов саги, он сам предложил Кулану возмещение: до тех пор, пока Сетанта не воспитает пса, который мог бы заменить убитого пса Кулана, Сетанта сам будет «боевым псом» (*árchú*)³ Кулана. Присутствующий друид замечает, что в таком случае Сетанте отныне нужно зваться «собакой Кулана» – *Cúchulainn*; Сетанта с неохотой соглашается на это. Этот рассказ, где имя Кухулина впервые дается друидом, можно было бы сопоставить с рассказами о том, как благодаря чарам друидов люди превращаются в собак (ср. [Cross 1952: 107], о превращении собаки в человека и человека в собаку в кельтских преданиях – см. там же, сс. 65 и 106). В сагах о Кухулине он часто именуется просто «псом».

В том, что Кухулин назван псом, многие исследователи давно уже обоснованно видели «след тотемизма» (см. [Веселовский 1940: 525]). Тотемический характер этого имени особенно отчетливо проявляется в табуистическом запрете – гейсе,

¹ См. [Иванов 1960: 8-9]. О переводе между ситуацией и текстом см. [Ульдалль 1960: 428-31].

² Относительно происхождения этого имени, связываемого со словом *sét* 'дорога', см. [Guyonvarc'h 1959: 215, n. 31; O'Rahilly 1946: 295]. О возможности объяснения имени как бриттского ср. [Sjoestedt-Jonval 1936: 54; Even 1952: 275, n.7].

³ Относительно различия между *árchú* 'боевой пес' (валл. *aer-gi*) и *archú* 'сторожевой пес' ср. [Guyonvarc'h 1959: 213, n.27; LEIA-A: 81, 82]. В одном из описаний чудесного преображения Кухулина биение его сердца сравнивается с лаем «боевого пса» [Sjoestedt-Jonval 1936: 10]. Но образный стиль этих описаний заставляет думать скорее о случайности этого сравнения, которое не обязательно должно быть связано с тем, что Кухулин сам был «боевым псом» Кулана.

согласно которому Кухулин не может есть «мяса своего тезки», т.е. собачьего мяса⁴. Кухулин нарушил этот запрет перед самой своей смертью, когда три старухи угостили его собачьим мясом и он не мог отказаться от угощения в силу другого гейса, по которому он не мог отклонить приглашения отведать пищу (см. [Ирландские саги 1933: 209; Stokes 1877: 176-77; d'Arbois de Jubainville 1892: 335-36]. Отведав собачьего мяса, Кухулин утратил прежнюю силу: ослабела его левая рука, которой он ел собачье мясо, и потеряла крепость левая ляжка, под которую он клал его.

2. Мифологические элементы в саге о смерти Кухулина

Вся сага о смерти Кухулина проникнута символами, связанными с мифом о собаке. Важнейшим из них, с точки зрения сравнительной мифологии, является символ трех псов, появляющийся в прозвании убийцы Кухулина – Лугайда. Лугайд и в саге о смерти Кухулина, и в ирландских летописях⁵ носит название *Mac Tri Con* ‘сын трех псов’. Ж. Вандриес, исследовавший единство тройных героев в кельтской литературе, отмечал, что, поскольку Лугайд «был сыном Ку Роя, можно думать, что Ку Рой, легенда о котором полна мифологических элементов, некогда обладал тройственной личностью» [Vendryes 1952: 237]. Первым элементом имени Ку Роя является ирландское название пса *cú*. Для доказательства гипотезы Вандриеса существенно то, что наряду с прозвищем *Mac Tri Con* ‘сын трех псов’ в древней ирландской литературе встречается и прозвище *Mac Con* ‘сын пса’; это последнее объясняется легендой, по которой человек, носящий это имя, был вскормлен собакой⁶ (ирл. *cú*, род. п. *con* может обозначать и кобеля, и суку⁷).

В одном из вариантов саги о смерти Кухулина собака появляется перед самой смертью Кухулина в виде выдры, которая в ирландском, как и в других кельтских языках, называется «собакой воды» (ирл. *dobor-chu*, валл. *dyfr-gi*⁸). Истекающий кровью Кухулин видит, что выдра пьет его кровь. Далее в рассказе слово *doborchú* ‘выдра’ заменяется словом *cú* ‘пес, собака’ (входящим в сложное слово *dobor-chú* в качестве его второго элемента): «...и когда Кухулин увидел, что собака пьет кровь, текущую из тела, он нанес собаке такой удар, что она от него подохла» [Le Roux 1958: 406]. Таким образом, Кухулин перед самой смертью снова убивает пса (в виде «собаки воды» – выдры), как бы повторяя подвиг, совершенный им в детстве.

Последний раз мифологический смысл собаки в саге о смерти Кухулина появляется в рассказе о мщении за Кухулина. У коня, принадлежащего Коналу и мстящего за Кухулина, была *ceud con* ‘голова пса’, и он грыз людей в сражениях (как боевые псы). В более поздней версии того же рассказа конь носит имя *Con-chenn* ‘песья голова’ [Sjoestedt-Jonval 1936: 36]; это же название встречается и в качестве

⁴ О тотемическом характере этого гейса ср., например [Ирландские саги 1933: 348, прим. 12; История западноевропейской литературы 1947: 24; Dillon 1947: 8; Dillon 1948: xv; Greene 1954: 89; Cross 1952: 88]. Пользуюсь случаем принести благодарность проф. М. Диллону за помощь, оказанную им в получении новых кельтологических изданий.

⁵ Ср. *Mors Conchulaind fortissimi herois Scottorum la Lugaid mar tri con* ‘Смерть Кухулина, мощнейшего героя ирландцев, от руки Лугайда, сына трех псов’ [Stokes 1895: 407].

⁶ Ср. [Dillon 1946: 16, п. 3]. Относительно кельтского мотива человека, вскормленного собакой, ср. [Cross 1952: 498].

⁷ Употребление *cú* в качестве существительного мужского и женского родов является архаизмом, ср. об этом [Vendryes 1950-51: 450].

⁸ Сходная внутренняя форма названия выдры обнаруживается и в баскском и грузинском языках; ср. [Maig 1925: 168], ср. о параллели в латинском [Schwentner 1959: 77]. Следует отметить, что сага о смерти Кухулина свидетельствует о живом восприятии этой внутренней формы; о том же говорит и уменьшительная форма названия выдры *dobran*, образованная посредством суффикса *-an* от первого компонента *dobor* (*dobur* ‘вода’), ср. [Thurneysen 1946: 173].

имени человека в саге о посещении Кухулином того света («Болезнь Кухулина»)⁹. Древность мотива собачьей головы доказывается сравнением с галльскими собственными именами типа *Cuno-pennus* ‘собакоголовый’, ср. *Cuno-barrus* с предполагаемым аналогичным значением [Schmidt 1957: 186]. Это представляет тем больший интерес, что и в галльских изображениях коней с человеческими головами усматривали параллель с чудесной лошадью, мстящей за Кухулина [Sjoestedt-Jonval 1936: 37-38]. Следует отметить также, что и хозяин этой лошади – мститель Конал носит общекельтское имя, древним первым компонентом которого было кельтское название собаки, пса: ирл. *Conall*, кимрск. *Cynwall*, галльск. *Cuno-vali*¹⁰.

3. Кельтский миф о волшебном псе и сага о смерти Кельтхара

Таким образом, уже саги о Кухулине позволяют установить роль древнего кельтского мифа о волшебном псе¹¹ в формировании этого цикла сказаний. Но особенно отчетливые результаты можно получить благодаря сравнению саг о Кухулине с сагой о смерти Кельтхара, которая лишь в самое недавнее время была подвергнута внимательному анализу (ср. [Guyonvarc’h 1958a: 371-380; Le Roux 1958]. В этой саге повествуется о том, как Кельтхар совершил подвиг, избавив уладов от пса, ежедневно совершавшего нападения на их жилища. Кельтхар варит состав, по-видимому обладающий магической силой; ветвь, пропитанная этим составом, приманивает пса, когда он возвращается в свое логово. Кельтхар, спрятавшийся в логове пса, с помощью этой ветви убивает пса и уносит с собой его голову. Как справедливо замечает автор последнего перевода этого предания, Кельтхар здесь выступает не только как воин, но и как волшебник [Guyonvarc’h 1958a: 377, п. 25]. Его подвиг сопоставим с тем под вигом, благодаря которому Кухулин получил свое имя, однако в саге о Кельтхаре отчетливо выступает архаичный мотив победы над чудовищем, которое наносило ущерб уладам. Но особенно замечательна последняя часть саги, где повествуется о чудесном появлении трех щенков, в которых, судя по контексту, можно видеть магическое перевоплощение героя Конганкнеса¹². Один из этих псов был отдан кузнецу Кулану, следовательно, убийство этого пса и дало потом имя Кухулину (ср. [Le Roux 1958: 383-84].

Другого из трех волшебных псов отдали Кельтхару. Однажды, когда Кельтхара не было дома, его пес вырвался на волю. С тех пор он стал бедствием для уладов, на стада которых этот пес нападал, Снова (как и в рассказе о первом подвиге Кельтхара, убившем пса с помощью ветви) Конхобар обращается к Кельтхару с просьбой избавить его от этой беды. Кельтхар с сотней воинов отправляется в долину, где находился его пес. Он зовет пса три раза (что следует отметить ввиду роли числа 3 в сагах о Кухулине и Кельтхаре). Пес приходит и узнает хозяина, которому он лижет ноги. Кельтхар убивает пса и сам умирает оттого, что на него падает капля крови

⁹ См. [Guyonvarc’h 1958: 298, п. 60]. В указанной статье приводится ряд других параллелей мотиву «собакоголовых» в кельтской литературе, но часть этих мест может объясняться позднейшими литературными (в частности, античными) влияниями. К мотиву песиглазцев в кельтской литературе ср. [Cross 1952: 54-55], ср. [там же: 55] (о случае, когда песеголовый человек имеет лошадиную гриву, как конь Конала, мстящий за Кухулина). В связи с истолкованием имени Кухулина как тотемического пережитка следует отметить, что А. Н. Веселовский относил поверья о песиглазцах к числу «легендарных сюжетов из области тотемизма» [Веселовский 1940: 522, 524].

¹⁰ См. [Schmidt 1957: 186, п. 1]. Об исчезновении *w* в форме *Conual* > *Conall* ср. [Thurneysen 1946: 19; Льюис и Педерсен 1954: 37].

¹¹ Относительно волшебного пса в кельтской литературе ср. [Cross 1952: 65].

¹² [Guyonvarc’h 1958a: 378, п. 29]. Ср. выше о мотиве оборотничества (превращения человека в собаку) у кельтов.

собаки (ср. кровь Кухулина, которую пьет выдра в саге о смерти Кухулина). Снова, как и в сказаниях о Кухулине, смерть героя оказывается связанной со смертью пса (ср. выше о «собаке воды»).

Как уже отмечалось в литературе, Кухулин не появляется в этих повествованиях о сражениях Кельтхара с двумя волшебными псами [Guyonvarc'h 1958a: 378, п. 29]. Сравнивая сагу о Кельтхаре с сагами о Кухулине, естественно высказать предположение, что речь идет о двух вариантах одного и того же мифа. Общим для обоих вариантов является мотив пса (чудовища, ежедневно убивающего уладов или их скот в саге о Кельтхаре), которого поражает герой, мотив собачьей головы (в саге о Кельтхаре герой уносит голову пса с собой) и мотив трех псов. С точки зрения структурного анализа, выделяющего в синтагматической последовательности эпизодов мифа повторяющиеся символы – парадигматические элементы мифологической знаковой системы, можно было бы считать, что последовательность появления этих элементов не является существенной. Часто появление новых однотипных символов (например, «собаки воды» в варианте саги о смерти Кухулина) объясняется избыточностью языка мифа, где один и тот же символ (собаки, убиваемой героем) кодируется несколькими последовательными эпизодами; точно так же один символ может кодироваться в виде нескольких действующих лиц. По отношению к мотиву трех псов сага о Кельтхаре подтверждает гипотезу о том, что три пса могут рассматриваться как одно мифологическое существо (ср. приведенное выше мнение Вандриеса). Поэтому все три перечисленных выше мотива, объединяемых общим дифференциальным признаком связи с мифом о псе, можно было бы соединить вместе, реконструировав миф о чудовище с тремя собачьими головами, которое было убито героем. Третьим отзвуком того же мифа (наряду с сагами о Кухулине и Кельтхаре) можно было бы считать рассказ о Ку Коингельте, получившем свое имя потому, что он убил чудовище на полуострове (*coingelt*) [Dillon 1946: 87, п.1]. Исходя из такой реконструкции кельтского мифа, можно было бы думать, что в именах Кухулина и Ку Коингельта безусловно древним является первый элемент (*cú* 'собака'), указывающий на чудовищного пса, убитого героем. Второй же элемент может быть либо именем хозяина пса (*Culann*), либо названием места, где произошел поединок героя с чудовищем (*coingelt*).

В саге о Кухулине древний миф выступает в преобразованном виде, так как убитый героем пес Кулана является не чудовищем, которое грозит всем уладам, а боевым псом, роль которого была в кельтском обществе весьма почетной¹³. Как позволяет судить сага об изгнании сыновей Уснеха, псы занимали промежуточное положение между женщинами и слугами, т.е. упоминались в качестве третьего по значению социального слоя (после воинов и женщин) [Ирландские саги 1933: 66]. Однако мотив пса в сагах о Кухулине нельзя непосредственно вывести из особенностей кельтского общества в историческую эпоху; эти последние помогают лишь понять причины трансформации древних мифологических мотивов (битвы с чудовищем о трех собачьих головах и оборотничества – превращения человека в собаку) в богатырской сказке о Кухулине¹⁴.

4. Общеиндоевропейские мотивы сказаний о Кухулине: италийские, иллирийские и лидийские параллели

Исследование кельтского эпоса и, в частности, саг о Кухулине давно уже позволило

¹³ Ср. о роли псов у кельтов [Le Roux 1958: 404, п. 79].

¹⁴ Ср. аналогичные замечания применительно к славянскому и германскому эпосу [Жирмунский 1960; 1960a: 43-44].

обнаружить отражение в нем общеиндоевропейских мотивов¹⁵. Для сопоставления с изложенными выше данными особый интерес представляют результаты исследований Ж. Дюмезиля, сравнивавшего саги о Кухулине с мифами других индоевропейских народов. Анализируя подвиги Кухулина, Дюмезиль пришел к выводу, что в них отразился индоевропейский миф о победе героя (бога) над чудовищем о трех головах [Dumézil 1942: 50-2, 103]. Однако Дюмезиль совсем не исследовал тех (как представляется, чрезвычайно архаичных) мотивов в богатырской сказке о Кухулине, которые связаны с мифом о его имени. Поэтому выводы Дюмезиля основаны лишь на более поздних элементах этой сказки, где трехглавое чудовище предстает в виде трех противников, последовательно убиваемых Кухулином [Dumézil 1942: 103]. Привлечение всех проанализированных выше фактов, которых Дюмезиль вовсе не касается, дает блестящее подтверждение его гипотезы и позволяет внести в нее уточнение: в кельтском варианте индоевропейского мифа у чудовища было три песьих головы. Особенно замечательно то, что Дюмезиль на основании индо-иранских фактов и типологического сопоставления их с мифами североамериканских индейцев предложил участие бога-ремесленника или кузнеца (подчеркнуто Дюмезилем) [Dumézil 1942: 132] в мифе о трехголовом чудовище, которого поражает герой (или бог). Эта гипотеза находит подтверждение в мотиве кузнеца Кулана, который по предположению ряда кельтологов, может быть эквивалентом бога-кузнеца *Goibniu* (валл. *Govannon*, ср. ирл. *gobann* ‘кузнец’ из **gobenn*, *gobnecht* ‘кузнецкое дело’, галльск. *Gobanillo*, др. брит. *Gobannio*)¹⁶. Следует подчеркнуть, что само имя кузнеца, представленное в ирландском двумя разными словами (*Culann* и *Goibniu*), нельзя считать достаточно древним, но мотив кузнеца, участвующего в мифе о трехголовом чудовище, оказывается архаичным.

Дюмезиль полагал, что этот миф отразился и в римской мифологии, хотя в еще более преобразованном виде, чем в ирландской¹⁷. В связи с этим следует отметить, что тотемический по происхождению запрет прикасаться к собаке или называть ее имя, сопоставимый с гейсом Кухулина, обнаруживается среди табу, наложенных на римского *Flamen Dialis*¹⁸ – жреца Юпитера или *Dius Fidias* – бога права, заговоров и клятв, который частично заменил в этой функции Юпитера. В римских ритуалах обнаруживаются и другие следы культа собаки, в частности коронавание собак на празднествах в честь Дианы [Frazer 1922a: I.14], сопоставляемое Фрейзером с аналогичным обрядом у малоазиатских кельтов-галатов, который, по мнению Фрейзера, был вынесен с их общекельтской прародины¹⁹. Наконец, кельтский мотив человека, воспитанного собакой (*Mac Con* ‘сын собаки’), у самих кельтов чередуется с мотивом человека, воспитанного волчицей²⁰; некоторые кельтологи полагают даже, что *cú* ‘пес’ часто используется как обозначение волка²¹ (ср. в приведенных выше сагах, использование этого слова как названия чудовища, убивающего скот и людей и угрожающего уладам). Поэтому кельтский мотив «сына собаки» сопоставим с легендой о Ромуле и Реме.

¹⁵ См. [Murphy 1955: 44; de Vries 1957]. К. Уоткинс показал отражение в древнейших кельтских метрических текстах индоевропейских текстов, см. [Watkins 1961; 1963].

¹⁶ [Thurneysen 1946, 209]. Относительно бога *Goibniu* ср. [Dumézil 1944: 25].

¹⁷ [Dumézil 1942]; ср. также о следах трехголового чудовища в римской мифологии [Dumézil 1948: 149].

¹⁸ Отмечено уже в классических работах о табу [Frazer 1922: 13; Freud 1948: 59].

¹⁹ [Frazer 1922a: II.125-128]. Ср. там же сравнение со сходным непальским праздничным обрядом почитания собак.

²⁰ [Cross 1952: 16, 498]; см. [там же: 5] о божестве в образе собаки (волка). Ср. также о связи между оборотнями волками и оборотнями-собаками [Stokes 1873-75: 203] (о глоссах к слову *conoel*, *conel*).

²¹ Ср. [Schmidt 1957: 186] (со ссылкой на Покорного).

Но наиболее отчетливые параллели кельтскому мифу о Кухулине можно обнаружить не у потомков италийских племен, а у иллирийцев, некогда входивших вместе с кельтами и италийцами в западноевропейскую языковую сообщество (языковой союз близкородственных индоевропейских диалектов, называемых Краэ «древнеевропейскими»).

Иллирийское (или фракийское) имя бога *Καν-δάων* [Krahe 1955: 56²²; Fraenkel 1953: 115] и другие связанные с ним иллирийские имена (*Can-davia* – название южноиллирийской горной области) может получить точное истолкование благодаря его сравнению с родственным лидийским именем бога *Καν-δαύλης* (ср. [Иванов 1956: 112; Porzig 1954: 75]). Это последнее Гиппонакт объясняет как лидийское (меонийское) имя Гермеса – душителя собак: *Ἑρμῆ κυνάγχα, Μηιονισται Κανδαυλα* [Diehl 1954: 82] ‘Гермес – душитель псов, у лидийцев - Кандаулес’. Имя *Καν-δαύλης*, как было установлено еще в XIX в., состоит из сочетания индоевропейского названия собаки (*καν* – ср. кельтск. *con, cú*, греч. *κύων*, лат. *canis* и т.п.) с производным от корня со значением ‘давить’ (ср. русск. *давить* и производное со значением ‘волк’, в иллирийском *daunus*); следовательно, его внутренняя форма точно соответствует греческому переводу *κυνάγχα*. Согласно глоссе Гесихия *Κανδαυλας*. *Ἑρμῆς Ἡρακλῆς* [Diehl 1954: 82], Кандаулас сопоставлялся не только с Гермесом, но и с Гераклом. Это обстоятельство, а также использование этого слова в качестве имени последнего лидийского царя из династии Гераклидов нашло истолкование еще в классической работе П. Кретчмера [Kretschmer 1896: 389]. Кретчмер указал, что имя «душителя псов» должно было первоначально принадлежать богу, который одержал победу над чудовищем, имевшим вид пса. Этот бог считался мифологическим родоначальником лидийской династии, которого греки отождествляли с Гераклом; поэтому вся династия, последний представитель которой носил почетный титул по имени ее родоначальника, получила наименование династии Гераклидов. Эта хорошо аргументированная гипотеза позволяет предложить сравнение внутренней формы лидийского и иллирийского имен богов с внутренней формой имени Кухулина. Так же как и Кухулин, которого давно уже сопоставляли с Гераклом (ср. [Dottin 1924: 81], иллирийский и лидийский боги получили свои имена потому, что они одержали победу над чудовищем-псом. Сравнение с реконструированным выше кельтским мифом позволяет предположить, что это чудовище было о трех собачьих головах; понятно, что его победитель для греков был тождествен Гераклу, который привел из ада Кербера – чудовище с тремя собачьими головами, сторожившее вход в потусторонний мир²³ (ср. сторожевую роль пса Кулана, убитого Кухулином, и появление человека по имени *Conchenn* ‘песьеголовый’ в рассказе о путешествии Кухулина на тот свет). Сходство кельтского мифа с предполагаемым иллирийским и лидийским можно было бы рассматривать как типологическое, но этому препятствует, во-первых, генетическое тождество первых элементов сложного слова, выступающего в качестве имени бога, и, во-вторых, относительная редкость самого рассказа о поединке бога (или героя) с песьеголовым чудовищем²⁴. Поэтому более вероятным представляется предположение о том, что мы имеем дело с вариантами одного индоевропейского

²² С указанием литературы вопроса.

²³ Относительно интерпретации Кербера как чудесного змея, над которым одерживает победу герой, ср. [Пропп 1946: 245-46]. Однако В. Я. Проппу остался неизвестен приводимый в настоящей работе материал, поэтому мотив собачьих голов в его работе ошибочно признается греческим нововведением.

²⁴ На основании труда С.Томпсона [Thompson 1955-58] можно сделать вывод, что мифы, связанные с собаками и песиглавами, в Старом Свете распространены лишь в некоторых областях (Ирландия, Эстония, Израиль, Индия); относительно очень распространенных мотивов волшебных псов у американских индейцев см. [Voegelin 1949: 319].

мифа о боге, первым элементом имени (или прозвания) которого было индоевропейское название собаки (второй элемент этого имени был преобразован, возможно под влиянием табу).

5. Заключение: Границы распространения протоиндоевропейского мифа о поединке бога с песьеголовым чудовищем

Для выяснения границ распространения этого мифа важно было бы выяснить точную языковую принадлежность лидийского имени *Κανδαύλης*. Кретчмер, исходивший из гипотезы о том, что лидийский язык был неиндоевропейским, рассматривал это имя как не собственно лидийское [Kretschmer 1896: 389]. Эта точка зрения по традиции сохраняется и теми учеными, которые уже не считают лидийский язык индоевропейским²⁵. Однако в настоящее время это имя можно было бы рассматривать и как чисто лидийское, так как отражение индоевропейского палатального в этом слове можно объяснить особенностями фонологического развития анатолийских языков (см. [Иванов 1958: 21; 1963: 92]), а суффикс *-l* имени деятеля нашел бы параллель в хеттском суффиксе *nomina agentis -ala* (ср. относительно палайского суффикса [Kammenhuber 1959: 34], что представляет особый интерес ввиду наличия специальных хетто-лидийских изоглоссов. В этом случае можно было бы связать приведенные выше данные с ролью собак и «волчьих» людей²⁶ в хеттских и лувийских ритуальных текстах. Тогда к ряду черт, объединяющих лингвистически анатолийские языки с кельтскими и италийскими и истолковываемых отчасти как общие архаизмы, отчасти как инновации (ср. относительное местоимение, медиопассив на *-r-*, название дороги **i-ter* и т.д.), присоединилось бы сходство культурно-исторического характера.

Литература

- Веселовский 1940 – *Веселовский А. И.* Историческая поэтика. Ред., вступ. статьи и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1940.
- Георгиев 1958 – *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Жирмунский 1960 – *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Исследования по славянскому литературоведению и фольклору. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960.

²⁵ См., например, [Георгиев 1958: 117]. Ср. там же о надписи, где упоминается фракийское божество, имеющее отношение к собаке. Имя *Κανδαύων* В. И. Георгиев (как и некоторые другие ученые) считает фракийским, а не иллирийским.

²⁶ Ср. [Иванов 1957: 47, прим. 23]. Следует отметить, однако, что эти хеттские факты могут найти параллель в данных о роли тотема волка на территории древнего Закавказья, собранных в недавнее время грузинскими лингвистами и этнографами. Поэтому их генетическое (а не чисто типологическое) сопоставление с указанными итало-кельтскими явлениями и со следами тотема волка в славянском эпосе о Змее – Огненном Волке было бы преждевременным, так как хетты могли усвоить соответствующие культы уже после своего отделения от других индоевропейских племен (неиндоевропейские – восточные – влияния возможны и по отношению к легенде о Змее – Огненном Волке, ср. [Иванов 1963: 23; Иванов, Топоров 1963: 139-140, 156]). Отражение тотемических представлений, связанных с собакой и волком, обнаруживается и в осетинских и абхазских версиях нартовского эпоса. Отражение культа Кандаулеса Ханфман видит в сожжении щенят, видимо, имевшим ритуальные цели, которое обнаружено во время последних раскопок в Лидии, см. [Hanfmann 1963: 10].

Жримунский 1960а – *Жирмунский В. М.* Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера // А. Хойслер. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.

Иванов 1956 – *Иванов В. В.* Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка // Вопросы языкознания, 1956, № 2.

Иванов 1957 – *Иванов В. В.* Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // Вестник истории мировой культуры, 1957, № 1.

Иванов 1958 – *Иванов В. В.* Проблема языков *centum* и *satəm*. // Вопросы языкознания, 1958, № 4.

Иванов 1961 – *Иванов В. В.* Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения // Лингвистические исследования по машинному переводу. М., 1961.

Иванов 1963 – *Иванов В. В.* Хеттский язык. М., 1963.

Иванов, Топоров 1963 – *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

Ирландские саги 1933 – Ирландские саги. Пер. и прим. А. А. Смирнова, Л.-М., 1933.

История западноевропейской литературы 1947 – История западноевропейской литературы. Под. ред. В. М. Жирмунского. М., 1947.

Льюис и Педерсен – *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Русск. пер. М., 1954.

Пропп 1946 – *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Ульдалль 1960 – *Ульдалль Х. И.* Основы глоссематики. // Новое в лингвистике. М., 1960.

Cross 1952 – *Cross T. P.* Motif-index of Early Irish Literature. Bloomington, Indiana, 1952.

D'Arbois de Jubainville 1892 – *D'Arbois de Jubainville H.* L'épopée celtique en Irlande. Vol.I. Paris, 1892.

de Vries 1957 – *de Vries J.* Le conte irlandais *Aided Óenfir Aife* et la thème dramatique du combat du père et du fils dans quelques traditions indo-européens // *Ogam*, t. 9, f. 2, 1957, P. 122-138.

Diehl 1954 – *Anthologia lyrica graeca*, Fasc. 3. Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1954.

Dillon 1947 – *Dillon M.* The Archaism of Irish tradition (The Sir John Rhÿs memorial lecture). London, 1947.

Dillon 1948 – *Dillon M.* Early Irish Literature. Chicago, 1948.

Dottin 1924 – *Dottin G.* Les littératures celtiques. Paris, 1924.

Dumézil 1942 – *Dumézil G.* Horace et les Curiaces. Paris, 1942.

Dumézil 1944 – *Dumézil G.* Naissance de Rome. Paris, 1944.

Dumézil 1948 – *Dumézil G.* Jupiter, Mars, Quirinus. IV. Paris, 1948.

Even 1952 – *Even A.* La conception de Cuchulainn // *Ogam*, t. 4, 1952, P. 273-276.

Fraenkel 1953 – *Fraenkel E.* Baltische, slavische und iranische Beiträge // *Münchener Beiträge zur Slavenkunde*, Bd. 4 ("Festgabe für Paul Diels"), München, 1953.

Frazer 1922 – *Fraser J. G.* Taboo and the Perils of the Soul. London, 1922.

Frazer 1922a – *Fraser J. G.* The Magic Art and the Evolution of Kings. London, 1922.

Freud 1948 – *Freud S.* Totem und Tabu // *S. Freud. Gesammelte Werke*. Bd. 9, London, 1948.

Greene 1954 – *Greene D.* Early Irish Society // *Early Irish Society*. Ed. M. Dillon, Dublin, 1954.

- Guyonvarc'h 1958 – *Guyonvarc'h C. J.* La maladie de Cuchulainn et l'unique jalousie d'Emer // *Ogam*, t. 10, f. 4-5, 1958, P. 285-310.
- Guyonvarc'h 1958a – *Guyonvarc'h C. J.* La mort violente de Celtchar, fils d'Utchechar // *Ogam*, t. 10, f. 6, 1958, P. 371-380.
- Guyonvarc'h 1959 – *Guyonvarc'h C. J.* Les exploits d'enfance de Cuchulainn, d'après la version du Táin bó Cualnge du Livre de Leinster // *Ogam*, t. 11, f. 2-3, 1959, P. 206-15, 325-35.
- Hanfmann 1963 – *Hanfmann G. M. A.* The Fifth Campaign at Sardis // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 170, April, 1963, P. 1-64.
- Kammenhuber 1959 – *Kammenhuber A.* Esquisse de grammaire palaitte // *Bulletin de la Société de linguistique de paris*, t. 54, f. 1, Paris, 1959, P. 18-45.
- Krahe 1955 – *Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. Bd. I. Wiesbaden, 1955.
- Kretschmer 1896 – *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Le Roux 1958 – *Le Roux F.* De la lance dangereuse, de la femme infidèle et du chien infernal: la fatalité et la mort dans une légende religieuse de l'ancienne Irlande // *Ogam*, t. 10, f. 6, 1958, P. 381-412.
- LEIA – Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. A – Paris, 1959.
- Marr 1925 – *Marr N.* Postface // Яфетический сборник, т. III, М.-Л., 1925.
- Murphy 1955 – *Murphy G.* Saga and Myth in Ancient Ireland. Dublin, 1955.
- O'Rahilly 1946 – *O'Rahilly T. F.* Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946.
- Porzig 1954 – *Porzig W.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.
- Schmidt 1957 – *Schmidt K. H.* Die Komposition in gallischen Personennamen // *Zeitschrift für celtische Philologie*, Bd. 26, Hf. 3/4, 1957, S. 33-301.
- Schwentner 1959 – *Schwentner E.* Irisch dobor-chú "Biber" // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen (= KZ)*, Bd. 76, Hf. 1/2, 1959.
- Sjoestedt-Jonval 1936 – *Sjoestedt-Jonval M. L.* Légendes épiques irlandaises et monnais gauloises // *Études celtiques*. Vol. 1, f.1, 1936.
- Stokes 1873-75 – *Stokes W.* Mythological Notes // *Revue celtique*, t. 2, 1873-1875, P. 197, 507.
- Stokes 1877 – *Stokes W.* Cuchulainn's Death // *Revue celtique*, t. 3, n. 2, 1877, P. 175-185.
- Stokes 1895 – *Stokes W.* The Annals of Tigernach // *Revue celtique*, t. 16, n. 4, 1895, P. 374-419.
- Thompson 1955-58 – *Thompson S.* Motif-index of Folk Literature, vols. I-VI. Bloomington, 1955-1958.
- Thurneysen 1946 – *Thurneysen R.* A Grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
- Vendryes 1950-51 – *Vendryes J.* [рец. на книгу] С. O'Rahilly. Eachtra Uilliam // *Études celtiques*, t. 5, f. 2, 1950-1951.
- Vendryes 1952 – *Vendryes J.* L'unité en trois personnes chez les celtes // J. Vendryes. Choix d'études linguistiques et celtiques. Paris, 1952.
- Voegelin 1949 – *Voegelin E.W.* Dog // Funk-Wagnalls Standard Dictionary of Folk-lore, Mythology and Legend, vol. I. New York, 1949.
- Watkins 1961 – *Watkins C.* Indo-European Origins of a Celtic Metre // *Poetics*, Warszawa, 1961.
- Watkins 1963 – *Watkins C.* Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // *Celtica*, Vol. 6, 1963, P. 194-249.